

Я снова сказал:

— Ага.

Ши Ичжи вздохнул:

— Мы ведь с детства дружим, а ты меня по имени никогда не называл.

Я удивился:

— Ты хочешь, чтобы я называл тебя по имени? Прости, исправлюсь. Я думал, мы уж настолько свои, что до церемоний не опустимся. И всё же... как ни крути, а вежливость соблюдать надо. Но, Ичжи, верь мне, я так тебя называю отнюдь не из непочтения.

Не знаю, показалось ли мне, но после этих слов глаза Ши Ичжи вдруг загорелись, словно у хорька, сверкнув хитрой искоркой:

— Не надо исправляться. Мне нравится, когда ты зовёшь меня Ши Ичжи.

Я почесал нос, постеснявшись признаться, что его имени просто-напросто не запомнил.

Свернули за пару углов, попрощались и разошлись по домам. Отец, увидев, что я и вправду вернулся с Ши Ичжи, наконец остыл и больше не допытывался о дневных происшествиях.

Спрятанный за пазухой листок бумаги словно жёг кожу. Я отыскал безлюдное местечко, вытащил его и при свете свечи перечитал раз за разом.

«Через десять дней, Павильон Чэнъян. Для тебя назначил Бай Лю». Двенадцать слов, кратко и ясно. Без подписи, лишь имя «Бай Лю» обведено красным кружком. Я вздохнул, и вдруг зуб заныл.

Не знаю, кто написал эту записку, но ясно, что человеку делать нечего. Хочешь встретиться — так и пиши. Зачем угрозы приплетать? Любой, у кого голова на месте, понимает: если дело требует угроз, ничего хорошего в нём нет. Чистейшей воды «здесь нет трёхсот лян серебра».

Главное, что отказаться я не могу.

Во всей столице, кроме Бай Лю, со мной в питье никто не сравнится. А я человек, ценящий таланты.

Авторское примечание:

Дополняю обновление. Простите~ В последнее время готовлю основные сцены с Красной Костяной Девой, поэтому обновления выходят нерегулярно. Постараюсь компенсировать объёмными главами _(:з»∠)_

Кстати, насчёт пары... Могу лишь сказать: не волнуйтесь, 1x1 — это точно. А кто именно — не скажу ??? В конце концов, помимо любовной линии, самое интересное — наблюдать, как каждый персонаж взрослеет и меняется.

Отец говорил, что пока настоящий нападавший не пойман, я остаюсь под подозрением, и велел мне следить за языком и поступками, чтобы не дать повода для обвинений. Но я-то знал, что Государь и не думал меня рубить, поэтому моя осторожность была весьма условной. Дни напролёт я просиживал в резиденции генерала, слушая песни да попивая вино, и неожиданно

обрёл множество спокойных деньков.

На шестой день спокойной жизни снова явился евнух Хай с целой свитой:

— Поздравляю генерала, поздравляю! Истинного злодея изловили. Государь приказал сейчас же явиться во дворец.

Я семенил за евнухом Хайем в дворцовые покои, мысленно рисуя облик этого наглеца, посмеявшегося поднять руку на императора. Во-первых, ума ему явно не хватало — нормальный человек связываться с императором не станет. Во-вторых, должно быть, здоровенный детина, раз для его поимки потребовалась не одна дюжина дворцовых стражников. Всю дорогу я представлял его похожим на черноликого бога-хранителя дверей с новогодних лубочных картин.

Минули три дворцовых ворот, прошли ещё немного — и вот мы во внутренних покоях. Распахнули дверь, и я увидел, что Государь сидит за столом в одиночестве. Сердце моё екатьюло: что-то не похоже, чтобы настроение у него было хорошее...

Не прошло и мгновения, как прибыл Се Цзин. Я вытянул шею, заглядывая ему за спину, но увидел лишь тощего, тщедушного мужчину средних лет, крепко связанного. На миг я опешил:

— А где же нападавший?

Се Цзин проигнорировал мой вопрос, принудил мужчину стать на колени и совершить поклон, а затем с невозмутимым видом указал на него:

— Ваше Величество, злодей пойман.

Челюсть моя отвисла:

— Это — нападавший?!

Я искоса окинул мужчину взглядом с головы до ног. Тонкие руки-ноги, хлипкое сложение, взгляд тупой и растерянный. Как такой мог быть нападавшим? Государь ведь тоже мастер кулачного боя, даже в пьяном виде простолюдину с ним не справиться.

Государь, видимо, думал то же самое:

— Се Цзин, ты не подсунил нам первого встречного, чтобы отделаться?

Выражение лица Се Цзина не изменилось:

— Как посмею.

Взгляд Государя снова скользнул по мужчине:

— Как звать?

Мужчина открыл рот и замычал, но внятных слов не произнёс. Отвечал за него Се Цзин:

— Ваше Величество, сей человек — бродяга, проникший в город извне. Фамилия У. В ту ночь было темно, и сей невежда по глупости не распознал особы Вашего Величества... Прозрев и убоявшись кары, прошлую ночью он попытался язык себе откусить. Его спасли, но разум помутился, и дар речи утратил.

Звучало правдоподобно.

Государь прищурился, устремив взгляд на Се Цзина, и спустя некоторое время усмехнулся:

— Нападавший, который нем и безумен?

Се Цзин склонился в поклоне:

— Полагаю, Ваше Величество обладает способностью отличить истину ото лжи.

Государь кивнул, но вид имел сомневающийся. Поколебавшись, он наконец неспешно подошёл к мужчине, занёс руку, опустил, затем внезапно обернулся ко мне:

— А ну-ка, подойди.

Я остолбенел:

— ...Что сделать?

Государь скрипнул зубами:

— Подойди и раздень его.

Я почесал ухо:

— Ох, в последнее время плохо сплю, даже голоса слышать начал.

Се Цзин тихонько фыркнул. Государь глубоко вздохнул и, ткнув пальцем в мужчину, изрёк:

— Ты его раздеваешь, или я тебя казню?

Я рухнул на колени, провёл ладонью по лицу и живо принялся стаскивать с мужчины одежду. Когда обнажилось плечо, Государь остановил меня, вернулся к столу и извлёк оттуда кинжал.

На плече мужчины красовался свежий шрам шириной в два пальца.

В отличие от недавнего бешенства, когда Государь лишь швырял вещи, теперь лицо его побелело, затем почернело, а после и вовсе позеленело. Глаза выкатились, а на губах заиграла леденящая улыбка.

Не говоря ни слова, Государь вонзил кинжал в свежий шрам на плече мужчины. Ширина совпала идеально.

— Он самый. — Вытащив кинжал и тщательно его обтерев, Государь повернулся к стоявшему на коленях Се Цзину с улыбкой:

— Справился хорошо. Награжу.

Се Цзин с облегчением выдохнул, не отводя взгляда:

— Прощу Ваше Величество определить ему наказание.

— Какое ещё наказание. — Государь снова посмотрел на меня, и у меня в груди заколотилось. И точно, не прошло и мгновения, как я услышал:

— В прошлый раз ты пострадал. В возмещение ущерба отдаю тебе сего человека — выпусти пар. — Сердце моё ёкнуло: дело плохо.

По логике, будь это обычный нападавший, можно было бы просто отвести его и казнить. Но этот случай — необычный. Хотя Государь и передал мне этого человека формально, кто поручится, что однажды он не вспомнит о нём и не решит, что смерть для него — слишком лёгкая расплата. Если я не смогу его предъявить, Государь накажет меня.

Но если я не казню его, меня тоже могут обвинить в укрывательстве злодея. И если какой-нибудь злопамятный тип на меня донесёт, Государь снова меня накажет. Как ни крути, а я в проигрыше. Если я не окончательный дурак, то принимать этого человека мне никак нельзя.

Но сказать это в лоб я не мог. Я снова провёл рукой по лицу, склонил голову в сторону Государя и почтительно промолвил:

— Ваше Величество, что вы говорите? Я не гневаюсь, а потому и пар выпускать не нужно. Пусть уж этот человек останется у вас.

Государь заложил руки за спину и с улыбкой поглядел на меня:

— И вправду не гневаешься?

Я вытер холодный пот, и голос мой прозвучал неуверенно:

— Не гневаюсь, не гневаюсь. Я отроду беспечен, стал бы из-за таких пустяков злобу таить.

— Что ж, ладно. Коли так, нечего его здесь держать. — Государь медленно изрёк:

— Увести и предать смерти тысячей порезов.

Полуживого мужчину потащили прочь стражи. Мы с Се Цзином поклонились и стали отходить. Перед уходом Государь пожаловал Се Цзину пару нефритовых жезлов счастья, а мне наказал несколько загадочных слов.

Государь изрёк:

— Сяхоу Цянь, сей долг я запишу. Если в ближайшие дни ты будешь вести себя подобающе, получишь и возмещение, и награду разом. Если же нет — снова предстанешь перед плахой.

Велел быть осмотрительным, но не пояснил, в чём именно следует быть осмотрительным. И, что самое главное, в должности моей не восстановил. Я не выдержал и понуро опустил голову:

— Ваше Величество, в столице мне не по нраву. Я тут просто с ума схожу от безделья. Умоляю, дайте мне какое-нибудь поручение или позвольте вернуться на южную границу нести службу.

Государь рассмеялся:

— Куда торопишься? Редко ты в столице бываешь. Поживи дома, побудь с отцом. — Слова его звучали искренне и естественно, но в должности он меня так и не восстановил, а в конце лишь махнул рукой:

— Ступайте. Я устал.

Я скривил губы, подумав, что он устал, видимо, от того, что кого-то кинжалом тыкал, но

расспрашивать больше не посмел.

<http://bllate.org/book/15934/1423844>